

ОГЛАВЛЕНИЕ

В ТЮРЬМЕ. ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Предисловие	6
Общение в тюрьме	7
Тоска в тюрьме	11
Тюремные развлечения	13
Половая жизнь в тюрьме	21
Психология переписки и свиданий в тюрьме	25
Журналистика и журналы в тюрьме	42
Мысль в тюрьме	60
Психология тюремного чтения	71

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ПРЕСТУПНОСТИ

Глава I. Метод и содержание науки уголовного права	91
Глава II. Факторы преступности. Их классификация	115
Глава III. Метод и содержание науки уголовного права . .	122
Глава IV. Социологическая школа науки уголовного права и учение ее сторонников о социальных факторах преступности	158
Влияние на преступность возраста	192
Влияние на преступность пола	198
Влияние на преступность семейного состояния	208
Наследственность	215
Влияние на преступность расы	218
Влияние физических факторов	221
Влияние на преступность бедности	225
Примечания	262

В ТЮРЬМЕ. ОЧЕРКИ ТЮРЕМНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здесь представлен цикл статей «Очерки тюремной психологии» выдающегося русского советского юриста, крупнейшего специалиста в области уголовного и исправительно-трудового права, истории уголовной политики, тюремного дела Михаила Николаевича Гернета. Несмотря на специфический объект исследования, работы профессора М. Н. Гернета всегда отличал яркий, образный слог, что особенно проявилось в представленной серии его статей по тюремной психологии.

М. Гернет посвятил свою жизнь занятию «неблагодарному» и неблагодарному — изучению психологии преступника. Перу Гернета принадлежит огромное количество работ по вопросам уголовного права, уголовной статистики, криминологии и пенитенциарии. Наиболее известно среди специалистов его исследование «История царской тюрьмы» в пяти томах. «Не спертый и тяжелый дух в тюремной камере, не количество воздуха, приходящееся на арестанта, интересует автора настоящих строк, а живая душа человека, заключенного в тюрьму, с особенностями его переживаний за высокими стенами, за крепкими дверями, под охраной внутренней и внешней стражи», — написал Гернет в предисловии к первому изданию очерков тюремной психологии

Всю жизнь боролся Михаил Николаевич с «тюрьмоведами» — так он называл людей, верящих в спасение общества лишь посредством крепких, надежных замков. Сам же видел будущее не в создании «усовершенствованных тюрем», а в разрушении тюрьмы и замене ее социаль-

ной клиникой. «Простой расчет государственной и нашей общей выгоды требует этого», — кричит современникам каждая строчка его книги. Разве для нас это не актуально? Можно ли усовершенствовать исправительную систему, не ведая, что творится за решетками?

Очерки последовательно печатались в 1923–1924 годах в каждом номере московского издания «Право и жизнь: Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства». Затем они были изданы в 1925 г. отдельной книгой под названием «В тюрьме. Очерки тюремной психологии».

Здесь представлены отдельные главы очерков профессора Гернета по изданию 1925 года.

ОБЩЕНИЕ В ТЮРЬМЕ

В мировой истории тюрьмы был момент такого резкого перехода к новым основам всего тюремного дела, совершенно противоположным прежним, что есть полная возможность говорить о настоящем перевороте в тюрьме. Это случилось в конце 18 века.

В основу реформы был положен принцип изоляции заключенного от других арестантов и от внешнего не тюремного мира. Надеялись, что, когда крепко замкнутся двери тюремных камер, широко раскроются сердца заключенных и воспримут все хорошее и доброе. Верили, что, лишенный общения с другими заключенными, арестант вступит в общение с самим богом и в водворившейся тишине новой тюрьмы будет чутко слушать его голос о повиновении власти и закону. Изоляция и молчание легли в основание тюремного переустройства большинства стран, но не в одинаковой мере.

За нарушение обязанности молчания тюремные правила грозят суровыми взысканиями, и, несмотря на это, едва ли какое-либо правило тюремной дисциплины нарушается чаще, чем запрещение общения. Стремление к

нему непоборимо, а страдания, испытываемые арестантом от его разобщения с другими заключенными и со всем внетюремным миром, тяжело отзываются на психике как политического, так и общеуголовного преступника.

Стремление к запретному общению начинается у заключенного с той же самой минуты, когда за ним захлопывается дверь его одиночной камеры. Его хотят оставить здесь одного с его мыслями и чувствами. Но не один он побывал в этой камере; целый ряд невольных жильцов прошел через нее, проведя в ней дни, недели, месяцы, а может быть, и годы. И новый обитатель почти сейчас же принимается за поиски следов пребывания здесь прежних. Он ищет на стенах надписей, фамилий и почти всегда их находит. Эти нацарапанные и спрятанные то в углах, то низко у пола, то высоко у потолка имена как бы населяют камеру узника, создавая у нового обитателя иллюзию превращения ее из одиночной в общую.

Но, зорко всматриваясь в стену, арестант вместе с тем чутко прислушивается к ней. Он знает, что почти наверное за нею, в такой же, как у него, одиночной камере, также кто-нибудь заперт. Слух же у одиночно заключенных достигает удивительной силы. Это одна из особенностей тюремной психологии. Без перестукивания арестантов нет тюрьмы в мире. Никакие стены не могут мешать в этом отношении заключенным. Никакие наказания не могут остановить их. Даже режим Петропавловской и Шлиссельбургской крепости Оказался бессильным уничтожить этот способ общения в тюрьме. Смотритель Шлиссельбургской тюрьмы (Соколов — «Ирод»), отчаявшись в успехе заставить карцером замолчать перестукивавшихся, снабжал дежурных жандармов печными заслонками и поленьями дров, размещал их по незанятым камерам и приказывал стучать заслонками и бить поленьями в стены камер, чтобы заглушить перестукивание узников. Но все оказывалось напрасным: стучали из камер, стучали из карцеров, стучали даже на прогулках в одиночных двориках. Он размещал заключенных так, что между камерами

«неисправимых стукальщиков» были посажены больные. Он рассчитывал, что стукальщики «пожалуют товарищей, не захотят раздражать их и беспокоить их своим стуком». Но соображения его оказались ошибочными. Стучали и сами больные, и даже умиравшие. Тригоны вспоминает, как в Алексеевском равелине больной Ланганс, уже не будучи в силах встать с койки, стучал ему башмаком об пол, а Тригоны отвечал умиравшему стуком в стену. В этом же равелине Поливанов, перестукивавшийся с товарищем, стучал, чтобы быть услышанным только им, суставом пальца, прикладывая ухо вплотную к стене. На суставе пальца образовывалась мозоль, а на сырой, заплесневшей стене получался отпечаток уха, который и не ускользнул от бдительного внимания смотрителя равелина. Для перестукивания заключенными употреблялось «новое» правописание за несколько десятков лет раньше, чем оно было введено официально в России: буквы Ъ, Ь, І, Ѳ, а также и Э были исключены из алфавита, остальные же буквы были разбиты на шесть строк по пяти букв в каждой, кроме последней в три буквы:

- 1) а б в г д
- 2) е ж з и к
- 3) л м н о п
- 4) р с т у ф
- 5) х ц ч ш щ
- 6) ы ю я.

При перестукивании выстукивается сначала та строка, в которой находится буква, а затем выбирается число ударов, соответствующее месту буквы в строке. Таким образом для выстукивания вопроса: «кто вы», — придется сделать следующие числа ударов: 254334 1361

Какие чувства испытывает при этом способе общения заключенный? Пока новичок, не знакомый с алфавитом перестукивания, не узнал его, он испытывает муки Тантала: товарищ так близко от него, так упорно зовет его, о чем-то спрашивает его, а он бессилен понять его и ответить ему.

Но вот, путем ли собственного разума, или благодаря подброшенной записке, он постиг тайну нового языка, на котором заставляет его говорить его одиночное заключение. Первоначально это перестукивание — настоящий лепет младенца, доставляющий заключенному соседу по камере такую же радость, какую доставляют нам первые слова научившегося говорить ребенка. Стена одиночной камеры становится сообщницей недозволенного общения. В борьбе с системой молчания заключенные изобрели такой способ общения между собою, который дает возможность разговаривать сидящим даже в разных этажах тюрьмы и при том нескольким человекам сразу. Наиболее раннее упоминание об этом способе мы нашли в воспоминаниях Брешковской, относящихся к 1877 г. Она называет изобретателями политических узников мужчин, заключенных тогда в Петербургскую одиночную тюрьму (т. н. «Кресты»). В каждой камере этой тюрьмы имелось судно с трубой для стока нечистот, входившее в одну общую канализационную систему. Заключенные, очистив трубу струей воды, выкачивали из этой трубы остатки воды посредством палки, обернутой тряпкой. Очищенные таким образом трубы служили как бы телефоном; отверстие судна заменяло трубку телефона, и голоса были слышны прекрасно без всякого напряжения говоривших.

Заключенные звали такой способ общения «клубом», а «итти в клуб» означало итти к ватер-клозетной трубе. Не показывает ли это название стремление заключенных создать себе иллюзию наличности у себя в тюрьме того, чем обладает лишь свободная жизнь? В секретном циркуляре главного тюремного управления о тайных сношениях арестантов между собою и с посторонними лицами указывается, что эти сношения происходят с помощью ниток с навязанными узелками, посредством полотенца с прошитым по краям условным швом, с помощью обуви, на которой особенно расставлены гвозди, и пр.

Но эти способы заменяют уже не живую речь, а письменные сношения заключенных. При запрещении переписки арестантов они чаще всего пользуются книгами из

тюремной библиотеки и, отмечая в них точками буквы, составляют таким образом нужные слова и фразы. Создав свой живой разговорный язык знаков, перестукиваясь и пр., тюрьма не могла обойтись и без создания своей письменности. Ломброзо, отмечая сходство письменности арестантов с древними иероглифами, видел в этом доказательство атавистического происхождения преступности. Приводимый им в виде примера образчик письменности преступников, действительно, напоминает иероглифы. В указанном нами секретном «наставлении» описано еще шесть способов письменных сношений, при которых цифры изображают черточками, точками и т. п. Но, изучив эти «новые» языки, заключенный иногда теряет способность естественной речи или, по крайней мере, охоту к речи, становясь угрюмым и неразговорчивым.

ТОСКА В ТЮРЬМЕ

Если бы нужно было указать самую характерную черту тюремной психологии, то отыскать ее было бы очень нетрудно; она слишком на виду у всех, нисколько не скрываясь, она слишком бросается в глаза всякому, даже и невнимательному наблюдателю. Размеры ее и яркость ее проявления на тусклом сером фоне одиночной и общей камеры тюрьмы невольно приковывают к ней взоры. Эта черта — скука, тоска, тоска — краеугольный камень, фундамент всей тюремной жизни. Это — тоска от гнетущего однообразия всего уклада жизни «Мертвого Дома», «Кладбища живых».

Свою особую печать скука накладывает на всех арестантов через очень короткое время после их заключения. Конопницкая уверяет, что через два года все арестанты похожи один на другого. Только самым сильным удастся сохранить свою индивидуальность, ноне далее третьего года заключения, после чего походка у всех становится тяжелой, медлительной, движения вялыми, неуклюжи-

ми, цвет лица глинистым. Немецкий уголовный арестант, даже и не пытающийся вести тюремного дневника, сумел охарактеризовать убивающую скуку заточенья одною короткою фразою: «здесь живешь от чая до обеда и от обеда до ужина». С нетерпением ждать обеда и ужина заставляет не физический, а душевный голод: доставка в камеру пищи получает характер такого события, которое, хотя бы в некоторой степени, нарушает тюремное однообразие.

В наших руках был номер нелегального рукописного тюремного журнала, выходившего в Бутырской тюрьме в начале девятисотых годов. Обращаясь к читателю на свободе, автор статьи говорит: «О, вы понятия не имеете как о темах тюремных споров, так и о том жаре и запальчивости, с какими спорят арестанты... Вы знаете, отчего это? Как звери в клетке, ходим мы целый день по камере. Ходим, сталкиваемся друг с другом, готовые вспылить по малейшему поводу. За долгие годы неволи в нас не осталось ни одного здорового нерва. Они натянулись до последней степени. Вид, слово, жест сокамерника раздражает до желания кричать, ударить... И ходишь, и бегаешь от стены к стене, расхаживаешь тоску свою физическим утомлением, стараясь подавить гложущего каждого из нас червяка. Но вот, кем-то брошена случайная фраза... Кто-то возразил. И спор готов. Как голодные звери набрасываемся друг на друга, все зараз. В камере сразу становится шумно, кричат, волнуются, перебивают друг друга... Тоска ведь, тоска тоскущая... С горя, с тоски, с невыразимой тоски по «воле», по вольному ветру, широкому простору, колосающемуся полю, с тоски по свежему человеку, по новой книжке, с тоски по здоровой и захватывающей работе, с тоски тоскущей спорим мы, ссоримся, бранимся... О, какая тоска. Тоска-а-а».

Этот стон несется из общей камеры политических заключенных Бутырской тюрьмы (1907 г.?). Таких «письменных документов» тюремной скуки нам не дает общая камера уголовных арестантов. Но это совсем не означает, что скука не переступает за порог этой камеры, что где-нибудь в тюрьме[^] есть такой уголок, на который не рас-

пространяется во всей ее полноте власть царства тюремной скуки. Скука царит везде: и там, где заключенные, не занятые никаким трудом, слоняются из угла в угол или лежат по койкам, но также и там, где они работают у машин, быстро приводимых в движение силою пара или электричества и создающих иллюзию деятельной жизни этих «каторжников», методически, размеренно совершающих несложные, однообразные движения в течение всего долгого рабочего тюремного дня. С внешней стороны эта работа у машин нисколько не отличается от работы свободных рабочих, так же как не отличается от нее распространенное в тюремных камерах занятие клейкой конвертов, бумажных пакетов, приготовление коробок, укладка товара в коробочки, оклеивание бандеролью и т. п. Но на общем фоне тюремной жизни каждый новый день, который повторяет с пунктуальной и фотографической точностью предшествующий день и, поэтому, не является в сущности новым днем, в тюремный труд не только не вносит оживления, но является лишь одним из звеньев длинной цепи утомительно-скучного тюремного однообразия. С таким «выпадением из жизни» ряда лет не может примириться сколько-нибудь здоровый человек. Вот почему в тюрьме, и особенно с того самого момента, когда в ней вводится так называемый «тюремный режим», убивающий своим однообразием, начинается бесконечная борьба заключенных против скуки общего и одиночного заточения, за «тюремные развлечения».

ТЮРЕМНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Тюрьма не притязательна и там, где она не в силах перенести к себе развлечения свободных, живущих на воле, довольствуется подделкой. В таких случаях психология развлекающегося тюремного мира напоминает психологию ребенка. Как ребенку палка заменяет лошадку, как дождевая лужа представляется ему настоящим морем, а плавающая

по этой луже щепка кажется кораблем, так и для арестанта всегдашний обитатель тюремных стен и коек — клоп — превращается в «бекаса», а не менее постоянная обительница тюрьмы — вошь — становится «рысаком», и арестант устраивает на потеху себе «бекасиновую охоту» и «бега».

Если бы в общей камере отчаяние не сдерживалось, а испытываемое арестантами чувство тоски свободно ими проявлялось, то не у многих нашлись бы силы продолжать свое существование.

Что касается спорта в тюрьме, то, как и на воле, он выливается в разнообразные формы состязания. В словаре тюремного жаргона, составленном Трахтенбергом, мы находим описание одного из видов спорта. Средством развлечения послужила тюремному миру обычная обительница тюрьмы — вошь. Это насекомое, не без некоторого остроумия, зовется в тюрьме, вследствие своей дородности и неповоротливости, «купчихою». Игра состоит в испытании бега «купчих», превращающихся на этот раз в «рысаков». Она носит столько же спортивный, сколько и азартный* характер. Хозяева-собственники тех конюшен, которые вырастили этих своеобразных рысаков, проигрывают и выигрывают целые «состояния». Как и при бегах и скачках на воле, здесь работает тотализатор.

Для состязания выбирают по возможности одинаковых «купчих» из числа тех, о которых арестанты говорят, что «в фунте их пять штук». Хозяева этих рысаков берут по глиняной кружке, края которых обмазываются чем-нибудь липким, и одновременно покрывают ими «купчих» на нарах, причем каждый партнер покрывает не свою «купчиху», а принадлежащую партнеру. Через некоторое время кружки одновременно приподнимаются, и партнеры смотрят, чей рысак успел добраться до края кружки и прилипнуть к нему. Выигравшим считается тот партнер, «купчиха» которого выказала наибольшую резвость, и, кроме выигрыша ставки, слава венчает его конюшню. Свободная жизнь этого спорта не знает. Те самые заключенные, которые увлекались им в стенах неволи, забыва-

ют его, покинув эти стены. Какой глубокой иронией звучит для нас наименование «исправительными» тех тюрем, где существуют такие «здоровые» и «возвышающие» или подобные им развлечения мира заключенных.

В тюрьме приходится развлекать себя и тем, что на воле, наоборот, портит настроение — ругань. Это — тоже вид спорта. Как и всякий другой турнир, эта словесная дуэль происходит перед публикой, перед народом, свидетелями. Слава венчает победителя, насмешки провожают побежденного. Чтобы стать спортом, такая брань не должна состоять в употреблении слов из богатого лексикона обычных тюремных ругательств. Такие обычные ругательства слишком привычны для арестантского уха и пролетают мимо него, не оставляя впечатления ни для ума, ни для сердца. Они несколько не нарушают тюремной обыденности. Лишь «виртуозное» сочетание бранных слов или разные экспромты бранящихся способны возвести ругань на степень спорта и привлечь к ней внимание остальных заключенных. На обычную же брань арестанты совершенно хладнокровно отвечают такую же, и если бы кто-нибудь поступил иначе и начал бы сердиться, то тюрьма сказала бы о нем на своем жаргоне, что он лезет в «пузырек».

А тюремные инструкции, начиная с первой и кончая последней, строго запрещают в тюрьме драки, брань и укоризны. Острог без всего этого не живет не только ввиду особенностей своего населения, но и вследствие условий острожной жизни, тяжелой своим однообразием и ожесточающей своим режимом. Сама тюремная администрация до последнего времени не умела обходиться в местах заключения без тех крепких словечек, произнесение которых нарушает благопристойность и подходит под статьи уголовного закона. Но как ни были громки и сильны эти непристойные выражения, тюремные стены всегда оказывались достаточно крепкими, чтобы заглушить эту ругань и не дать ей вырваться на волю. При наличии таких «воспитателей», помимо всех других условий, ругань должна была расцветать в тюрьмах пышным цветом.

Более активное участие принимает тюрьма в другом развлечении, описание которого дает уже цитированный нами Трахтенберг, — бекасиной охоте. Именем «бекаса», дорогой для охотников дичи, заключенные зовут клопа, а под именем бекасиной охоты известна охота арестантов на клопов. К этой охоте своевременно делаются приготовления: в тюремных стенах просверливается несколько глубоких дыр, запасаются хлебным мякишем, избирается особый распорядитель охоты, назначаются охотники и отводятся им места у дыр и щелей в стене. Когда, после того, как огни потушены в камерах и клопы повывлезли из своих щелей, раздается команда распоряжающегося охотой «пли», сразу зажигается несколько огарков, заключенные вскакивают со своих нар, поднимают шум, а испуганные внезапным шумом и светом клопы забираются в заготовленные для них дыры, которые охотник, по мере их заполнения «бекасами», и законопачивает мякишем хлеба. По окончании охоты заключенные поют «убиенным» нечто вроде «вечной памяти».

Больше движения, чем бекасиная охота, дает охота на крыс. Брейтман дает описание такой охоты. Крысу выманивают с помощью кусочка сала, положенного на некотором расстоянии от дыры, которую сейчас же и затыкает приставленный к ней часовой. И начинается бешеная погоня всей камеры за крысую: за ней бегают, забрасывают ее халатами, шапками. Когда она поймана, ее удавливают, сдирают с нее шкуру, сушат ее, выдeldывают, но так как она никуда не нужна даже в тюрьме, то в конце концов выбрасывают.

Одной из любимых игр были жмурки. Как и в датской игре в «жмурки», арестант с завязанными глазами должен был кого-нибудь поймать из играющих. Но, сравнительно с детскими жмурками, у тюремных жмурок была своя особенность: все играющие, кроме играющего с завязанными глазами, вооружались жгутами и немилосердно хлестали ими его, пока ему не удавалось поймать кого-нибудь из своих палачей и поставить его на свое место. «В конце игры почти у всех рубцы и кровоподтеки, но арестанты любили игру: «она кровь разбивает, что твоя баня».

Что касается описываемых Мельиным игр в «ложки» и «банки», они еще не отошли в область прошлого. На этих двух играх сказываются и грубость нравов русского уголовного каторжника, и полное отсутствие разумных развлечений на каторге, и жестокость каторжного режима. Они сами по себе не были подвижными в настоящем смысле слова, но становились такими вследствие сопротивления того, кому давали «ложки» или срубали «банки». При срубании «банок» поднимали рубашку, стягивали на животе кожу, захватывая ее рукою, а другой ударяли по этой оттянутой коже так, что она багровела, и после второй банки уже могла брызнуть кровь. При задавании «ложек» импровизированный палач плевал на оголенный живот жертвы, растирал плевки и с криком «поддержись, ожгу» ударял ложкою по этому месту. В описываемом автором случае живот посинел и вспух с одного удара.

Самое распространенное из всех тюремных развлечений — азартные игры. Тюрма создает для их развития особенно благоприятные условия. Те общие причины, которые, например, обуславливают карточные игры на воле, сильнее действуют внутри тюремных стен. Здесь тюремное безделье и однообразие жизни делятся иногда целыми месяцами и годами. Если обыватели какого-нибудь провинциального городка, по общему правилу, убивают вечера карточной) игрою, то тюрма не знает, как убить время в течение всего дня. Если на воле «интерес» выигрыша лежит в основе даже и таких игр, где ставки игроков очень незначительны, то в тюрме игра, кроме удовлетворения азарта, становится чем-то вроде профессии, вокруг которой создаются разные подсобные занятия. Иногда азартная игра в тюрме является для арестанта единственною надеждою приобрести деньги, вещи, удовольствия, лучшее питание и пр. Некоторые из наблюдателей арестантской жизни даже думают, что карточная игра в тюрме является не забавою, а работою. Это верно лишь отчасти, по отношению к некоторым категориям заключенных, поскольку они, сами не принимая участия в игре, тем не менее жи-

вут этою игрою, «кормятся» около нее. Но это не мешает им принять самим участие в игре при малейшей к тому возможности, как только найдется, чем можно рискнуть в игре. Доход от карточной игры получает владелец колоды карт, получающий процент с выигрыша, и арестанты, становящиеся на «стрему», т. е. на стражу, чтобы вовремя предупредить игроков о приближении надзирателя.

При затруднительности доступа в тюрьмы настоящих игральных карт они изготавливаются там собственными силами заключенных. Так появляется новая отрасль труда в тюрьме по изготовлению карт. Наиболее распространенное название карт — «святцы». Каждая карта имеет свое особое название. Короля зовут «бардадымом», туза — «господином Блиновым», валета — «солдатом», даму — «мазихой», двойку — «Дунькою», низшие карты от двойки до шестерки зовутся «молодками» и т. п. Из карточных игр ранее в тюрьме были распространены: «в три листика», «подкаретная», «одно», «юрцевка», а теперь — 21, «железка». Это все азартные игры. Так называемые «коммерческие» игры, требующие не счастья, а умения, в тюрьме не в ходу.

Проигрывается здесь все: деньги, табак, платье, не исключая казенного, арестантские пайки, порции, будущие получки денег и пр.

Подлежавшие ссылке проигрывали своих жен и любовниц. Проигравшиеся становятся тюремными пролетариями, «жиганами», опускаются на самую низшую ступень падения, становятся «девками», лезут «в девичью, под нары», торговать собою.

Уплата карточного долга считается здесь, как и на воле, долгом чести. Банкроты, оказывающиеся не в силах расплатиться, спасаются в «лягавую» камеру. Так называется камера, где спасаются от преследования заключенных и от их мести арестанты-шпионы, исполнявшие обязанности палачей. По словам одного из авторов тюремных воспоминаний предреволюционного времени, под влиянием наплыва таких банкротов в «камеры лягавых» изменилось и самое отношение тюрьмы к таким камерам

в сторону смягчения. Отсюда для неоплатного плательщика не закрыто возвращение в общие камеры при тех или иных условиях.

На почве карточных игр в тюрьме происходят кровавые столкновения. Смертным боем бьют обнаруженных шулеров, хотя ловкое шулерство отнюдь не осуждается тюремною моралью.

Но если для выделки карт арестант не жалеет своей крови, то нет ничего удивительного, что запрещение карточной игры остается пустым звуком.

В таком же положении находятся в тюрьме и другие азартные игры: например, в кости, шашки, юлу и др. При неприхотливости и невзыскательности арестантов тюремное искусство всегда умеет создать принадлежности для этих игр. Так, шашечная доска вычерчивается на бумаге или прямо на нарах, вырезается на столе, шашки заменяются клочками белой и заштрихованной бумаги или делаются из мякиша черного и белого хлеба.

Азартной игрою является также «ремешок», или «петля». Ремешок, а при его отсутствии и простая веревочка, складывается таким образом, что получается как будто бы очень большое количество петель. В действительности же имеется лишь одна петля, и задачей игрока является попасть в петлю. При попадании он выигрывает ставку. Мошенничество развито и при этой игре.

С чувством глубокого удовлетворения мы констатируем, что театральные представления, прокатившиеся волною по всей России, захватив и глухие местечки далекой провинции, вот уже пять лет как получили законный доступ в наши места заключения. При уже известной нам жажде заключенных к развлечениям и при предоставленной им свободе самообслуживания в отношении устройства театральных зрелищ последние получили самое широкое распространение (так, в местах заключения, в которых состоит до 2/3 всего тюремного населения, за 1922 г. было 3650 спектаклей, вечеров, концертов и т. п.) Очень нелегко приспособить для театра костюмы, декорации, запастись бутафорскими принадлежностями, довести представление